

Б.Я. Шарифуллин

**ГЕНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПРЕССИВНОСТИ:
КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД
К ОПИСАНИЮ ОДНОГО НЕДИСКРЕТНОГО ПРОСТРАНСТВА**

В последнее время лингвисты все чаще говорят о новой парадигме науки о языке, о смене лингвистической парадигмы. Какой бы смысл ни вкладывался в понятие «научная парадигма», очевидно, что ныне её центральными компонентами становятся когнитивный и коммуникативный аспекты языка [Кубрякова, 1994; Николаева, 1995; Шарифуллин, 1997]. При этом оба компонента безусловно взаимосвязаны, поскольку язык как явление когнитивное (или когнитивно-процессуальное) не только передает информацию о мире, обрабатывает её, непосредственно участвует «в построении, организации и усовершенствовании информации и способов её представления, но и обеспечивает протекание коммуникативных процессов, в ходе которых передают-

*© *Б.Я. Шарифуллин, 2000.*

ся и используются (прагматический аспект коммуникации. - Б.Ш.) огромные пласты знаний» [КСКТ. С. 34].

Язык и мышление человека образуют неразрывное единство не только и не столько на уровне логических категорий. Когнитивные структуры нашего мышления содержат не только логические, но и эмотивные компоненты. Более того, думается, что чувства и эмоции человека - в некотором смысле генератор случайных величин, реализующий переход от безошибающегося интеллекта к ошибающемуся разуму, способному не только впитывать и передавать информацию, но и выражать своё отношение к ней, всегда субъективно окрашенное, следовательно, не претендующее на «истину». Поэтому значение экспрессивной (эмотивной, репрезентативной etc.) функции языка для человека разумного не менее важно, чем функций коммуникативной или информативной: иначе мы мало бы чем отличались от «интеллектуальных» машин. Известна антиномия информативной и экспрессивной функции языка: стремление к регулярности, унификации, дискретности языковых единиц vs. их экспрессивной отмеченности, нестандартности. Экспрессия всегда недискретна, нелогична, в отличие от информации. Когнитивная сущность экспрессии (экспрессивности) как особого типа познания — в искажении информации; экспрессивация (т.е. экспрессивная категориализация) — это процесс искажения информации, экспансия «обманутого ожидания», направленная на слушающего.

Природа эмотивного сейчас изучается весьма активно в различных аспектах, подходах и параметрах (см. [Шаховский, 1995] и другие работы в этом сборнике). Однако проблема лексической экспрессивности, как явления, хотя и связанного с эмотивностью, но всё же иного плана, предстает в традиционных исследованиях как правило в сугубо таксономических параметрах (что это? и как это устроено?). Очевидно, однако, что понимание когнитивной природы и коммуникативной предназначенности экспрессивных единиц языка позволит по-иному взглянуть на сущность языковой экспрессивности, её порождение (генезис), развитие и функционирование, отобразить многомерность как самого экспрессивного пространства, так и экспрессивных ситуаций, восстановить в речевых произведениях субъективные черты языковой личности и её эмоциональной картины мира. И в этом случае довольно диффузные споры о сущности экспрессии и/или экспрессивности (языковая? речевая? стилистическая?) теряют свой смысл. Можно полагать, что языковая экспрессивность — это одна из основных когнитивных категорий, которые в своей совокупности создают в коммуникативной реальности то, что мы называем «языком - речью - текстом», т.е. то нерасчлененное, недискретное коммуникативное пространство, где есть место и информации, и номинации, и экспрессии во всех её формах, в том числе, и социально нежелательных - инвективы, языковая агрессия, языковое насилие и пр. (см. [Сквородников, 1997; Шарифуллин, 1997а]). Когнитивный и коммуникативный (прагматичес-

кий) аспекты языковой экспрессивности требуют специального изучения, что предполагает прежде всего обращение от вопросов **что?** и **как?** к вопросам **почему?** и **зачем?**

В данной работе мы не ставим своей целью в явном виде представить когнитивное (resp., коммуникативное) понимание природы языковой экспрессивности - это особая задача. Мы коснемся здесь лишь тех аспектов когнитивного подхода к нашему явлению, которые кажутся нам интересными и существенными для раскрытия генетических истоков экспрессивности, её развития и отражения в лексике естественного языка в виде некоторого экспрессивного поля (или пространства), имеющего свою архитектонику и закономерности изменения. Иначе говоря, нас интересуют те когнитивные и прагматические аспекты экспрессивности, которые, в нашем понимании, служат основополагающими для выявления и построения принципов множественности происхождения и, resp., этимологизации единиц экспрессивного лексического фонда (ЭЛФ) русского языка, организованных в некотором недискретном пространстве экспрессивности.

Становление (генезис) экспрессивности в языке можно рассматривать как результат категоризации, т.е. «процесса образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно существенных характеристик его функционирования и бытия» [КСКТ. С.42]. Языковая экспрессия есть отражение реальной экспрессии, существующей в нашем мире и пропущенной через сознание (когнитивные структуры) человека. Как явление действительности, экспрессия, говоря терминами когнитологии, категоризируется, т.е. отражается в языковой картине мира в виде уже языковой категории экспрессивности. Нормальный человек как субъект и объект актуализации «мировой» экспрессии далеко не однозначен в своих оценках, мыслях, интенциях и т.п. (см. выше об экспрессивации как процессе искажения информации), поэтому языковая экспрессивность, отражающая всё это в соответствующих языковых формах, не может быть интерпретирована в терминах однозначного соответствия экспрессивных смыслов и экспрессивных текстов (высказываний).

Для понимания того, как происходит процесс экспрессивной категоризации и подключение к ней новых её членов (расширение экспрессивного пространства), интерес представляет теория «фамильного (семейного) сходства» (family resemblance) Л. фон Витгенштейна, явившаяся одной из основ прототипического подхода к языку и так называемой «прототипической семантики» [Лакофф, 1981. С.356 и сл.]. Согласно этой теории, категории языка интерпретируются на базе положения о недискретности (vs. аристотелевскому и платоновскому пониманию строгой, дискретной категоризации языка), размытости границ, непрерывности и случайности в определении объектов действительности и их именования (см. [КСКТ. С. 140]).

В этом смысле языковая экспрессивность представляет собой не дискретную категорию, а категорию-континуум, организованную в виде экспрессивного пространства, формирующегося на базе определенных формально-семантических полей, которые представляют то или иное экспрессивное «гнездо» (ЭГ): например, {ДУ-}, {ХАЛ-/ХОЛ-/ХЛ-}, {ШАМ-} и т.д. Генетически, «фундамент» подобных ЭГ составляют вполне реальные славянские корни, продолжающие те или иные индоевропейские праформы («прообразы»): например, *dheu-, *(s)kel-, *(s)ket- для указанных ЭГ (Шарифуллин, 1994. С. 94-110). В этом смысле экспрессивные базы, конституирующие определенное ЭГ, являются действительно прототипами, которые обеспечивают генетически и функционально обусловленную иерархию стабильности и единообразия (в плане формально-семантических корреляций - см. [Шарифуллин, 1993]) в вхождении того или иного экспрессива, независимо от его происхождения, в соответствующее ЭГ.

В то же время недискретность, размытость экспрессивного пространства языка предполагает нежесткость связи всех членов, входящих в него, их относительно свободное вступление в различные формально и семантически обусловленные отношения с представителями иных экспрессивных «семейств». Сравните, у Л. фон Витгенштейна: члены одного множества (организованного по типу фамильного сходства) связаны нежесткой связью. Отсюда следует, что некоторое экспрессивное образование может, исходя из определённых формально-семантических корреляций, «мигрировать» по различным ЭГ, ориентируясь на «зацепочные» формы и смыслы, близкие ему по особенностям образования или происхождения.

Например, диалектная лексема *макар* «простак, глупец» (сиб.), «лицемер, плут» (ряз.), входящая также в устойчивые сочетания *слепые макары* «о невнимательном, рассеянном человеке», *смотреть макар* «лицемерить, притворяться», *таким макар* «таким образом, таким способом, таким манером», *макарку подпустить* «обманывать, лицемерить, притворяясь искренним» [СРНГ 17. С.3Q7-308] и т.д. [1], обнаруживает цепочку разнонаправленных типов связей, выводящих ее в пространство нескольких ЭГ, а также в ономастическое пространство имени личного *Макар* [2], являющегося, видимо, одной из «протобаз» данной экспрессивной микросистемы. В русских говорах представлены такие образования, обнаруживающие подобные связи: пек. *макар* «комар», костр. *макарашка*. «букашка, мошка, соринка, попавшая в пищу» [3], пск., твер. *макарыга* «назойливый, надоедливый человек; наглый попрошайка», урал. *макароля* «милый, возлюбленный; милая, возлюбленная», забайк., *пери, макура* «мифическое существо (слепое или подслеповатое)», «близорукий, подслеповатый человек» (южн.сиб., волог.), «слепой человек» (моск., пенз., перм.), «хмурый, насупившийся человек» (яросл.) [СРНГ 17.С.308,309,315] и др.

С другой стороны, имеются и такие лексемы: сиб. *макатан* «любовник, ухажер, поклонник», Краснодар. *макуха* «нерасторопный, мешковатый человек», вят. *маколосить* «медленно и плохо соображать», являющееся своеобразным «перевертышем» к костр. *малакосить* «то же» [СРНГ 17. С.309,313, 315]. Скорее всего, сюда же относится забайк. *мокатан* «бедный, несчастный человек, горемыка» [СРНГ 18. С.207] и ряд других слов. Все эти образования включены в ЭГ {МАК-}, имеющее генетические связи с корнями *mok-/mak- «мокрый, влажный» и *mek-/mok- «бить, гнуть, давить».

Формально-семантические корреляции могут устанавливаться не только по «корневым» элементам, но также по финали близких по смыслу и часто созвучных по «правилу рифмы» образований. Так, например, ряд существительных, обозначающих лиц женского пола, имеют в финали общий элемент *-нд(а)*: *пандора* «медлительная, малоразвитая, вялая женщина», *пинда*, *пиндапо* «полная, неуклюжая женщина», *тунда* = *пандора* [Чайкина, 1995. С.41 -45], *чекунда* «брошенка» [ЮКС С.417], *чулинда* «неряха, замарашка», *чунда* «неряха» [СРГСУ 7. С.35], *шлѣнда*, *шлянда*, *шлында* «женщина легкого поведения, бродяжка», *хлюнда* «то же» и т.п. Этот элемент, по-разному интерпретируемый в каждом отдельном случае (часть корня, стык корня и расширения или суффикса, суффикс и т.п.), начинает осознаваться и вычленяться как самостоятельный экспрессивный показатель. Таким образом, в русском экспрессивном пространстве формируется специальный (вторичный по своему генезису) «суффикс» *-нд(а)-*, характеризующий в резко негативном плане лица женского пола.

Аналогичный исход слов мы обнаруживаем также в чешских экспрессивных образованиях типа *gost'anda* "курва", *manda* (= рус. манда), *kunda*, *mtnda* "vagina; проститутка" и пр. [Dvorak, 1995. С.31,39], что позволяет говорить о межславянских связях либо, скорее, об общеславянских тенденциях формирования экспрессивного пространства, продолжающих, в какой-то степени, и праславянское наследие.

Указанные выше русские и чешские слова, естественно, имеют свои этимологии. Каждое из них в отдельности соотносится с различными экспрессивными основами и корнями: например, *пандора* связано с глаголом *пандорить* «делать что-либо слишком медленно; сечь, пороть» [СРНГ 25. С.194] и далее - с праслав. *der-/dor-; *чекунда* - с рус. *чекать*, *чакать* «стучать, бить; болтать»; *шлѣнда*, *шлянда*, *шлында* - с глаголами *шляться* *шлындать*, *хлюнда* - с глаголами *хлюндать* и *лындать*, синонимичными в своем значении. Чешск. *manda* (*pani manda*) рассматривается как гипокористика имени *Magdalena*, первоначально «грешница», затем - «потаскуха». В этом значении, с последующим переосмыслением, было заимствовано в русский язык (*манда* - см. [Фасмер И. С.567; Трубачев, 1965. С. 133]). Возможно, существует определенная этимологическая связь между чешск. *kunda* и латин. *cunus* «женские половые органы», англ. *cunt* "то же" и т.д. Тем не менее остается

реальностью также соотносительность данных экспрессивных образований по финали *-nd(a), в связи с чем этимологизация их в отрыве друг от друга потеряла бы смысл.

Гетерогенность экспрессивного пространства языка (включающего и немалое число заимствованных слов), множественность связей и отношений между его компонентами, так же, как и неоднозначность их отношений к прототипам определенного ЭГ, определяют существование различных модификаций формы и смысла экспрессивных единиц - в их генезисе, функционировании и пространственном распределении. Отсюда ясно, что этимологическое исследование экспрессивной лексики должно базироваться, в первую очередь, также на принципе множественности и решений, и интерпретаций, и разысканий в области генезиса языковой экспрессивности.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Сравните также известное выражение *Куда Макар телят не гонял*, имеющее довольно архаичные истоки, связанные с рядом мифопоэтических и культурных архетипов.

2. О мифопоэтическом фоне имени *Макар* (от греч. *Μακκαρ μακκαριος* «блаженный, избранный») как в языке-источнике, так и на славянской почве, в связи с названием мака, см. [Топоров, 1982]).

3. Сравните участие основы *так- не только в растительном (русск. *мак* и его индоевропейские соответствия), но и в энтомологическом коде, конструирующем основной индоевропейский миф о Громовержце (см. [Судник, Цивьян, 1981]).

Л И Т Е Р А Т У Р А

Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т.53. № 2. М., 1994.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. Ю.М., 1981.

Николаева Т.М. Лингвистика XXI века: Попытка прогнозирования // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы / Тез. Междунар. конф. 4.2. М., 1995.

Судник Т.М., Цивьян Т.В. Мак в растительном коде основного мифа // Балто-славянские исследования. 1980.М., 1981.

Топоров В.Н. Из индоевропейской этимологии: др. греч. *Μακκαρ μακκαριος* «блаженный, божественный, избранный» // Этимология. 1980. М., 1982.

Трубачев О.Н. Этимологические мелочи 1) выпендриваться, 2) грымза, 3) драндулет, 4) в пику, 5) стуколка, 6) фифа, 7) шкет // Этимология. 1964. М., 1965.

Чайкина Ю.И. Семантика экспрессивов со значением личностной характеристики в лексико-семантической системе говора // Севернорусские говоры. Вып.6. СПб., 1995.

Шарифуллин Б.Я. Формально-семантические корреляции в структуре экспрессивного слова // Семантика языковых единиц и ее изучение в школе и вузе: Межвуз. сб. научных трудов. Н. Новгород, 1993.

Шарифуллин Б.Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири. Красноярск, 1994.

Шарифуллин Б.Я. Лингвистика и теория общения: Некоторые замечания о парадигме коммуникативных знаний // Теория и практика речевого общения: Научно-мет. бюл. Вып.3. Красноярск, 1997.

Шарифуллин Б.Я. Языковая экспансия, языковая агрессия и языковая демагогия // Проблемы развития речевой культуры педагога: Тез. Регион, научно-практич. семинара. Томск, 1997 (а).

Шаховский В.И. О лингвистике эмоций//Язык и эмоции. Волгоград, 1995.

Dvorak L. Эй, чувак! Rusky slang aneb cesky hambar jazyka guskeho. Praha, 1995.

С Л О В А Р И

КСКТ - Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

СРНГ - Словарь русских говоров Среднего Урала: Вып. 1-7. Свердловск, 1964-1988.

СРНГ- Словарь русских народных говоров. Вып. 1-30. Л. (СПб.), 1965-1996.

Фасмер - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I-IV. М., 1964-1973.

ЮКС - Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Изд. 2. Красноярск, 1988.